



Александр Шатилов

Томаш

18+

Александр Шатилов

Томаш

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70454878

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ этот, полный бесчеловечности и ужасов кровавой междоусобной войны, появился из обобщённого до условностей средневековья. Нет страны, где это случилось, потому так могло случиться, да и случалось это в каждой стране. Когда деревенские жители готовились к свадебному пиру, в селение внезапно явились люди барона, который правил в соседних землях. Они учинили разбой, а мальчика Томаша, его друзей и соседей увели в мрачный замок их жестокого господина. Из каменного подвала нет выхода. Только чудо может помочь убежать из полного стражи замка. И кто знает, удастся ли побег? Автор фото на обложке – Александр Шатилов.

Александр Шатилов

Томаш

Над рекой, разлившейся широкой лентой по лугу, встало золотое солнце. Оно осветило всю землю, отразилось в каждой капле росы, заиграло на цветных стёклах витражей небольшого костёла. Оно светило всем и каждому, не различая достатка и сословий. День был ясный и безоблачный. В небольшой деревеньке, стоявшей у границы двух феодальных владений, собирались играть свадьбу.

По мокрой траве к подножью холма бежал мальчонка двенадцати лет. Его звали Томаш. Он родился и вырос в этой деревне. Более того, у него сегодня был важный день, ведь именно к его старшей сестре посватался удалой охотник из соседнего селения. Родители, недолго думая, дали своё согласие на свадьбу. И Томаш, вставший ещё до восхода солнца, во всю помогал матери по хозяйству. Он уже выгнал коз на цветущий луг, оставив их на попечении своего младшего братишки Клауса, наколот дрова, набрал свежих овощей в огороде и переделал ещё кучу дел, входивших в его обязанности. Ему, конечно, очень хотелось посмотреть на старинные предсвадебные обычаи, строго исполнявшиеся многими поколениями его семьи, но кто другой принесёт воды в дом, если не он?

И вот, выполняя очередную работу, он завидел своего

друга Стефана, который был чем-то очень сильно озабочен.

– Твоя сестра сегодня выходит замуж? – спросил Стефан, подходя к Томашу.

– А ты как будто не знаешь, – усмехнулся в ответ Томаш.

– Я-то знаю, – буркнул Стефан, – только что-то не спокойно мне. Говорили, что бароны снова появлялись недалеко отсюда...

– Перестань, де Веги ни за что не посмеют прийти на земли нашего графа, – перебил его Томаш.

– Но наш граф уже очень стар, – продолжал Стефан, – вряд ли бароны его испугаются теперь, к тому же, с ними видели целый отряд...

Томаш не стал дослушивать, так как ему было некогда, да и не охота думать об опасностях в день свадьбы сестры. Зато мысль о том, что он увидит на празднике Генриетту, дочь мельника, не давала ему покоя. Лукавые карие глазки и беззаботная улыбка этой девочки не выходили из головы у всех мальчишек в округе. Её звонкий смех вселял радость в сердца и детей, и даже седых старцев. Любого мальчишку она могла заставить исполнять её волю, и тот был счастлив служить ей.

Когда ждёшь чего-то очень долго и с большим нетерпением, минуты кажутся часами, а уж если не знаешь, который час, то время вовсе останавливается. Но вот настал долгожданный момент, и Томаш увидел свою сестру Риту с её женихом. Они стояли рядом в праздничных одеждах, украдкой

поглядывая друг на друга. Казалось, что не было на земле пары счастливее их. И все смотрели на эту молодую чету, собирающуюся соединиться в законном браке перед лицом всей общины.

А за спиной Риты то и дело мелькали блестящие глазки Генриетты. Напротив молодых стояли мать и отец невесты. Их дочь скоро должна была навсегда отправиться жить к мужу, и они едва могли сдержать слёзы радости, ведь это был редкий случай, когда девушка выходила замуж по любви. На это торжество собралась почти вся округа. Одни пели протяжные свадебные песни, другие перешёптывались, буравили взглядом невесту, обсуждая, как повезло жениху. Да и жених был далеко не последний, о его удачливости в охоте уже слагали небылицы. Однако некоторые рассказы были недалеки от истины, так как он преподнёс в дар родителям Риты пару добрых медвежьих шкур.

Но когда родители собирались благословить детей на долгую супружескую жизнь, из толпы выбежал на середину живого круга селян маленький Клаус. Еле переведя дух, он закричал что было сил:

– Всадники, всадники в деревне!

Его крик напугал людей, не ожидавших какой бы то ни было угрозы в столь радостный день. Не успели изумлённые селяне понять, что случилось, как тут же из-за садовых деревьев и домиков показались всадники в черно-красных сюркотах. Они окружали напуганных и скупившихся людей, об-

разовывая плотное кольцо вокруг них. Лошадиные копыта топтали огороды, ломали плетёные изгороди. Когда кольцо из всадников плотно сомкнулось, на середину выехал знатный рыцарь в дорогих богато украшенных латах. За ним на худой кобыле последовал ещё один верховой, по всей видимости, его доверенный слуга. Этот был весьма тщедушного телосложения, но держался уверенно и гордо. Они оба остановились в паре шагов от края толпы, озирая склонивших головы крестьян.

– Как вы смеете, холопы, играть свадьбу без дозволения своего господина! – заверещал противным голосом маленький всадник, теребя в руках плетё.

– Барон не наш синьор, и никогда им не был! – дерзко ответил отец Риты.

– Молчать, быдло! – свирепея, выкрикнул рыцарь и выхватил меч. – Теперь я ваш господин! Отныне эти земли принадлежат мне по праву! На колени, скоты! На колени, или всех вас перережу!

В страхе, видя гнев незваного гостя, все пали ниц и замерли, моля бога о спасении, которого им уже не суждено было увидеть.

– Какой наглец посмел оспорить моё право на женщину из этой деревни? – не унимаясь, ревел рыцарь, грозно потрясая мечом.

Внезапно из толпы поднялся жених Риты. Он был полон решимости, взор его сверкал огнём. Казалось, этот безоруж-

ный крестьянин способен в одиночку сокрушить и этого рыцаря, и всю его шайку. Подобно молодому льву, он был готов драться с шакалами за свою львицу и будущих львят, пусть даже эти шакалы и были превосходно вооружены.

– Ты не наш господин, а разбойник, – спокойно сказал он, – и я не стану потакать твоим прихотям, ведь и прав у тебя нет на эти земли. Граф Троквем узнает, что ты нападаешь на его мирных слуг, и тогда кара небесная обрушится на тебя и твои владения! И я не отдам тебе мою жену, будь ты сам король! И никто, слышишь, ни один человек не покорится тебе в этих землях!

Ни слова не говоря, рыцарь вонзил шпоры в бока своему гнедому коню, очутившись в мгновение ока подле смельчака. И никто не успел опомниться, как сталь свистнула в воздухе, и храбрый юноша был разрублен на две половинки. Крики ужаса и величайшей скорби разнеслись по окрестности. Несколько людей вскочили с колен и пытались бежать, но их настигли стрелы и копья прихвостней барона. Убийца же, не обращая внимания на мольбы о пощаде, сыпавшиеся со всех сторон, отдавал указания своим людям.

– Сожгите здесь всё дотла! Камня на камне не оставьте! А этих взбунтовавшихся скотов гоните в замок, они узнают, как выступать против баронов де Веги! – яростно кричал он, а конь его топтал людей копытами.

Всадники послушно и с немалым удовольствием принялись выполнять эти приказы. Уже через несколько минут

всё кругом пылало. Кричащих жителей кнутами гнали к лесной дороге, тех же, кто оказывал сопротивление, настигала неминуемая смерть. Некоторые всадники настолько входили в раж, что убивали даже тех, кто не сопротивлялся. Томаш вырвался было из кольца бароновых слуг, он искал глазами сестру или Генриетту, или ещё кого-то, кто был ему дорог. Он уже был в дюжине шагов от спасительного густого кустарника, как внезапно услышал топот приближавшихся копыт. Страх парализовал его, невозможно было двинуть ни рукой, ни ногой, Томаш даже не мог повернуться. С каждым ударом подкованного копыта о землю конец становился ближе. Внезапно кто-то с силой толкнул его в спину, и, падая, Томаш услышал жуткий звук ломающихся костей и рвущейся плоти. Приподнявшись из копны сена, куда он упал, Томаш увидел рассечённое тело матери. Её широко открытые глаза запечатлели навеки ужасную боль и страх. Томаш весь задрожал, как при сильнейшей лихорадке, слёзы ручьём потекли по щекам мальчика. Дым пожара закрыл солнце...

Он очнулся только, когда чья-то сильная рука схватила его за шиворот. Томаша поволокли по земле вслед за угоняемыми на верную смерть односельчанами. Там и тут лежали трупы знакомых ему с детства людей. Мельница полыхала огромным четырёхкрылым факелом, на её крыльце в луже крови лежал труп мельника с раскрытым черепом. Густой дым окутывал деревню, пламя превращало дома в пепел и угли. Неподалёку стонала тяжелораненая старуха, осыпая на

смертном одре проклятиями барона и его людей.

«Что с Генриеттой? – мелькнуло в голове у мальчика.— Неужели её убили, как и отца?» Однако мысли прервал жестокий удар кулаком по лицу, от которого рекой из носа хлынула кровь, заливая рубашку. Томаша привязали к хвосту коровы и повели вслед за односельчанами. Барон позаботился о том, чтобы всё ценное, включая скот, было вывезено в его вотчину.

Дорога была долгой и трудной. Тех, кто не мог идти убивали на месте. Далеко позади остались зарево и дым догорающей деревни. На пути следования слуг барона и их пленных то и дело попадались разорённые хутора и селения, от которых остались лишь обугленные столбы ворот. Кое-где на деревьях висели казнённые баронами люди. Некоторые были недавно повешены за шею, и их синие распухшие лица с вывалившимися языками и вытаращенными глазами наводили ужас на пленённых крестьян. Запуганные и суеверные, они никогда не могли себе представить такого земного ада. Меж тем, далее дорога становилась всё страшнее, и всё больше на ней попадалось мертвецов. На деревьях вдоль дороги болтались повешенные за ноги, за пальцы, за рёбра. Особо поражал всех вид беременной женщины, которую повесили за волосы, распаров живот. Но вскоре у каждого третьего повешенного было распорото брюхо, и кишки свисали зловонной бахромой почти до колен. На колы были насажены человеческие головы, глазницы которых были пусты, ибо

вороны давно уже выклевали глаза. Некоторые особо прочные колья украшали целые тела людей, умерших в страшных муках. Огромные стаи ворон и других пожирателей падали кружили по окрестности, привлекаемые запахом разлагающейся плоти. Сотни диких собак, волков и прочих опасных зверей наводнили округу. Ад на земле создали два брата барона.

Дорога шла в гору, подъём становился круче, и после поворота Томаш увидел в лучах заходящего солнца тёмную громаду замка де Веги. Но не только замок освещал злоеущий пожар заката, его лучи касались ветвей больших высохших деревьев, на которых страшными плодами висели маленькие дети. Некоторые были просто приколочены гвоздями к стволам и использовались баронами и их слугами в качестве тренировочных мишеней. Птицы кружили в небе, изредка садясь на маленькие трупики, чтобы поклевать их нежное мясо.

Томаш так устал, что не мог ни на что смотреть. Его ноги передвигались сами собой, повинаясь инстинкту. Единственной жаждой, которую испытывал мальчик, была жажда жизни, и все другие желания давно померкли перед ней. Он молился, как мог, прося о чуде, но чуда не происходило. Конвой, ведущий скот, посторонился, давая дорогу очередному разъезду смерти. Около полусотни всадников умчались в ночь сеять ужас и разорение по всей округе. Пропустив эту сатанинскую кавалькаду, конвой со скотиной и Томашом пе-

решил по подъёмному мосту через глубокий ров. Пройдя через массивную надвратную башню, стражники вывели Томаша и коров на внутренний двор замка. Обессиленного мальчика отвязали от коровьего хвоста, посмеялись над его чумазым, залитым кровью и засохшими слезами лицом и швырнули в толпу пригнанных из разных деревень невольников, стоявших у стены замка. Все пленники баронов молчали, будучи уже не в силах ни плакать, ни стонать.

Томаш с трудом поднял голову и увидел, как взрослые мужчины шли, повинувшись бичам стражи, к небольшой площадке, на которой свирепый рыцарь в залитых кровью латах упражнялся в искусстве владения мечом. Каждого вновь подведённого к нему человека он разрубал на части. Невольники, закованные в железо, чуть не падавшие от голода и усталости, оттаскивали куски его жертв в сторону. Томаш хотел было отвернуться, чтобы не видеть этого ужаса, но вдруг заметил своего отца, которого какой-то верзила подводил к палачу. Мальчик заледенел от ужаса, не понимая, зачем его отца ведут к рыцарю, ему хотелось закричать, но страх сдавил горло. Отец повернулся, озирая пленников у стены, и его глаза встретились с глазами сына... в следующий момент меч отсёк голову мужчины, и она с глухим стуком упала на каменные плиты замкового двора. Вот так в один день Томаш стал круглым сиротой.

Когда же все мужчины были изрублены в куски, наступила очередь стариков умирать. Их, невзирая на возраст, по-

гнали в одну из самых высоких башен замка. С её вершины младший из баронов Квентин де Веги лично столкнул каждого вниз, сопровождая свои деяния безумным смехом. Оставшихся в живых детей и молодых девушек, среди которых были и Томаш, и Рита, и маленький Клаус, и все их друзья, повели в главную башню замка, соединявшуюся галереями с внешними стенами замка. Всех их привели в большой зал, который некогда был богато украшен, но теперь больше напоминал хлев. Дорогие ковры и перины лежали на полу, усыпанные соломой, по стенам висели щиты, дорогое оружие и шкуры животных, вдоль стен стояли огромные бочки с вином и мёдом, над ярко пылавшим очагом жарилась туша барана. Сидевшие за большим дубовым столом, заваленным свининой и кувшинами с вином, друзья и ближайшие слуги баронов одобрительно загомонили при виде напуганных сирот. Мерцающий свет факелов озарял их злые оскалившиеся лица. От страха пленники дрожали, дрожали они ещё и от ледяного сквозняка, проникавшего через неплотно прикрытые ставни. Однако они стояли тихо и послушно, не осмеливаясь произнести ни слова, да и что могли сказать убийцам и насильникам, в чьей власти они оказались, иступлённые от страха и горя дети и девушки.

Наконец в зал вошёл старший барон Жиль де Веги. Он утомился после свих забав во дворе замка, и теперь ему хотелось позабавиться со своими пленницами. Он быстро снял латы и остался в одном исподнем. Затем Жиль вниматель-

но осмотрел всех пленниц и подошел к Рите, которая хоть и была убита пережитым потрясением, оставалась самой красивой из всех присутствовавших в зале женщин.

– Дядюшка Жиль не обидит тебя, если ты будешь с ним ласкова, – сказал барон, обхватывая бёдра Риты.

В ответ раздался звон пощёчины. Рассвирепевший барон сделал шаг назад, а затем на несчастную девушку обрушился шквал сокрушительных ударов рыцаря. Когда Рита перестала двигаться, Жиль одним рывком содрал с неё платье и надругался так жестоко, как только мог, не обращая внимания ни на кого в зале. Да и никто из слуг или стражи не удивился поведению барона. Томаш не мог поднять головы, злоба и отчаяние переполнили его юную душу, но хуже этого было сознание своего совершенного бессилия.

После того как бездыханное тело Риты упало на каменные плиты пола, Жиль повалился на перину и приказал подать себе вина и мяса. Остальных невольников было велено увести в темницу, где уже давно сидели, гняя живьём, десятки пленных. В сыром и душном погребе многие из них сходили с ума от вечной темноты и страха. Братья де Веги частенько лично устраивали пытки: отрезали уши, носы, языки, загоняли раскалённые иглы под ногти, выжигали глаза, разрывали пленников пополам, снимали с них живьём кожу, варили в масле, бросали в огонь. Они были ненасытны и каждый раз выдумывали всё новые и всё более изощрённые истязания. Жестокость их не знала границ, а боль, причиняемая людям,

доставляла им удовольствие. Как они смеялись, глядя на вопящего человека, у которого из обрубка руки или ноги ручьём текла кровь. Если бы черти из преисподней увидели земные деяния баронов, то им бы стало жарко.

Когда захлопнулась обитая железом дверь в темницу, вновь прибывшие пленники поняли, что ждёт их куда более страшная смерть, чем тех, кто уже оказался на небесах. Невозможно описать отчаяние, которое охватило их. В крошечной темноте Томаш с трудом смог найти малютку Клауса, своего друга Стефана и Генриетту. Больше никого из знакомых он так и не обнаружил. Он пытался успокоить друзей и брата, хотя и сам не мог прийти в себя. Генриетта всё время плакала, не обращая на него внимания, Стефан тёр глаза и всё время ругался, а маленький Клаус сидел и раскачивался на месте, повторяя только одно слово «брысь». Томаш сел на ледяной каменный пол, и сознание начало его оставлять. Стоны и тихий плач полутора сотен пленников уже не пугали его и не воспринимались им. Мальчик слишком устал и ослабел, чтобы обращать на это внимание. Постепенно он почти задремал, или ему так показалось, но только Стефан пробудил его от наплывшего забытья.

– Я ничего не вижу, Томаш... – сказал он тихим голосом, мёртвой хваткой вцепившись в плечо друга.

– Здесь просто темно...

– Нет, я не вижу, Томаш, я правда ничего не вижу... Но я слышу... Я слышу, Генриетта плачет...

– Здесь многие плачут... И она тоже плачет... – с горечью заметил Томаш.

– Но я не вижу!.. – захрипел Стефан, цепляясь за разорванный ворот его рубахи.

– Здесь темно, – повторил Томаш, отмахнувшись от друга. Он на четвереньках пополз в сторону Генриетты, чтобы ещё раз постараться хоть сколько-нибудь успокоить её. Нащупав её руку, он попытался обнять её за плечи, но девочка отшатнулась от него, заливаясь слезами.

– Томаш, я не вижу, – повторял всё Стефан, царапая окровавленными ногтями стену.

Прошло довольно много времени. Все в подземелье спали или лежали тихо, стараясь не стонать. Томаш, однако, не мог сомкнуть глаз, не смотря на то, что последние силы он истратил, убаюкивая Клауса. Сон отлетел от него благодаря беспокойству Стефана и больше не возвращался. Мысли тоже покинули Томаша. Постепенно тьма перед его глазами начала приобретать форму, по подземелью поплыли разноцветные круги, замелькали радужные зайчики, голова закружилась, появилось чувство, что сидишь не на полу, а на потолке, и редкие всхлипывания и сопение раздаются откуда-то снизу. Из дальнего угла темницы выплыла яркая белая точка. Она всё приближалась и приближалась к Томашу, пока не оказалась перед его носом в виде шара размером с небольшой горшок. Мальчик долго молча вглядывался в это видение, не шевелясь и не меняя выражение лица. Затем он услышал

голос, который, как это ни было странно, исходил из шара. «Иди за мной, – сказал шар, – я выведу тебя и твоих друзей». Томаш послушно пополз за шаром, наткнувшись то на Генриетту, то на Стефана с Клаусом. Он разбудил их всех и дал знак следовать за ним. Шар, мерцая, плыл по воздуху немного впереди, слева, всхлипывая, ползла Генриетта, сзади держался Стефан, а рядом с ним фыркал «брысь» маленький Клаус.

Через некоторое время они упёрлись в дубовую дверь под земелья. «Ждите здесь», – сказал шар и исчез. Что-то щёлкнуло снаружи, затем раздался вопль ужаса, который мог бы перебудить всех узников, но почему-то никто не шевельнулся, возможно, все уже давно привыкли к крикам. Через минуту появился шар. «Толкайте дверь», – приказал он. Дверь открылась, и все четверо вышли из темницы. В слабом свете догоравшего факела Томаш увидел сидящего стражника. Его глаза были широко открыты, из перерезанного горла хлестала кровь. «Кто это его так?» – подумал про себя Томаш. «Это он сам себя», – услышал он голос шара, звучащий с иронией, и тут же по коридору прокатился звонкий смех, от которого все четверо вздрогнули. Но они продолжали следовать за таинственным светящимся шаром, не произнося ни слова, пока перед ними не возникла другая массивная дверь, над которой шар завис и стал бледнеть. Томаш услышал голос: «Ступайте вверх, по обходной галерее пройдите до третьей башни, спуститесь в подвал и выйдите через погреб по тай-

ному ходу». «А ты?» – тихо спросил Томаш. «Мне нельзя дальше», – сказал шар и совсем растворился в воздухе.

– Вы слышали, куда нам надо идти? – спросил с надеждой Томаш у своих спутников.

– Я ничего не вижу... Наверно я и ничего не слышу уже... – проговорил Стефан.

– Брысь! Брысь! – зашипел в темноте малютка Клаус.

Генриетта ничего не сказала, она только всхлипнула и отрицательно покачала головой. Отчаяние совершенно завладело Томашем. Он один едва расслышал слова неведомого шара, и на друзей полагаться было бессмысленным. Остаться на месте было опасно, но и идти навстречу неизвестности не менее рискованно.

– За мной, я знаю дорогу, – с уверенностью прошептал Томаш, открывая дверь.

Все последовали за ним. Хотя на самом деле мальчик почти не знал, куда их ведёт, ему важно было успокоить остальных, да и себя тем, что они ищут выход из этого ада. Четверо детей ползли по грубым каменным глыбам, стараясь двигаться бесшумно в кромешной темноте. Томаша снова стали покидать силы. Он слышал слова шара будто бы во сне, и эти слова походили на галлюцинации, вызванные страхом и голодом. Уж не сон ли всё это? На самом ли деле поднимается Томаш по винтовой лестнице в поисках спасения, или только ему так кажется? И может он лежит сейчас на холодном полу темницы среди искалеченных физически и духов-

но людей и умирает? Конечно, ведь побег слишком хорош, чтобы быть истиной, это должно быть чудом, но чудес нет и быть не может. Он бредит, и сознание уходит от него.

Чья-то холодная рука коснулась в темноте руки мальчика, и сознание мгновенно вернулось. Он и правда был на лестнице, напротив поблёскивали заплаканные глаза девочки, сзади слышалось тяжёлое дыхание друга и брата.

– Томаш... – раздался слабый голосок Генриетты, – обещаю, что не брошу тебя...

– Не брошу... – прошептал он и попытался прижаться к ней поближе.

Ему было страшно. Но уже не за себя он переживал, а за тех, кто был рядом. Томаш спешил, карабкаясь по липкой и скользкой лестнице, он не слышал, как Генриетта горячо признавалась ему в своих чувствах, не слышал жалоб Стефана и фыркания брата. Он хотел как можно скорее оказаться на воле. Наконец перед ними забрезжил свет. Пройдя в открытую дверь, дети оказались под сводами обходной галереи. На ней никого не было, так как бароны отослали большинство своих людей в ночные разъезды по землям соседей.

Стареющий месяц довольно хорошо освещал стены и башни замка, застывшие угрюмыми чёрными монстрами. Дети благополучно миновали первую башню. Они старались ступать бесшумно, затаив дыхание, ожидая, что вот-вот наткнутся на злую стражу или ужасного барона. За каждым камнем им мерещился враг. Люди неожиданно вырастали из

темноты, пугая детей чуть ли не до крика, но к счастью оказывались всего лишь кучей хлама. Перед второй башней все замерли. Тишина резала уши. Вдруг не с того не с сего Клаус закричал: «Брысь! Брысь! Брысь!». В эту же секунду из башни вышел тот самый щуплый человечек, что ещё утром вместе с бароном напал на деревню. И он, и дети застыли от неожиданности, возникло минутное замешательство. Никто не успел опомниться, как Томаш схватил рогатину, стоящую у стены, и, что было сил, ударил ей недруга в грудь. От неожиданного удара тот отшатнулся и упал, сорвавшись со стены, однако успел ухватиться за камни кладки. Зависнув над внутренним двором, вымощенным булыжниками, он взмолился о пощаде. Хриплый голос слуги барона дрожал, было ясно, что он долго не продержится.

– Спасите меня, я буду вам служить, спасите, – умолял он, задыхаясь от напряжения и страха.

– Не надо! – зашептала Генриетта. – Сбрось его вниз!

– Тогда... чем я буду лучше него? – спросил Томаш как будто у самого себя.

Он подошёл к висящему человеку, уже готовому разжать пальцы. Однако тот оказался слишком тяжёл для обессиленного мальчика.

– Помогите же мне, – шепнул Томаш.

Генриетта и Стефан тоже изо всех стали тащить несчастного вассала барона. Когда ему уже ничего не угрожало, щуплый человечек заговорил, с трудом переводя дыхание,

но быстро и довольно визгливо:

– Спасибо! Спасибо тебе, мальчишка! Теперь я тебе помогу... помогу найти дорогу... назад... в подземелье! – с этими словами он бросился на Томаша, крича, – Стража, сюда! Побег! Пленники сбежали!

Мальчик еле увернулся от него. Дети бросились бежать, не разбирая дороги, они слышали за своими спинами топот железных башмаков стражи, ибо щедушный человек побоялся преследовать их в одиночку. Томаш чуть не пропустил заветную третью башню. Без лишних раздумий он кинулся в открытую дверь, держа Стефана и Генриетту за руки, Клаус держался за руку девочки. Спускаться было трудно, последние силы покидали детей. Между тем стража барона уже настигала их. Наконец показалась спасительная нижняя площадка, освещённая факелами. Но в этот же момент люди барона их настигли. В руках у стражников были луки и арбалеты, из-за их спин раздался дребезжащий голос щуплого прихвостня барона: «Убить беглецов! Смерть им!». Дети застыли в страхе на середине зала, освещаемые неровным пламенем факелов. Томаш сделал шаг вперёд, чтобы заслонить собой других. Стражник натянул тетиву.

– Я вижу! – вдруг крикнул Стефан, но тут же упал, убитый стрелой, попавшей прямо в сердце.

Маленький Клаус фыркнул злобно «брысь», и тут же две стрелы пригвоздили его худенькое тельце к полу. Томаш пытался закрыть собой Генриетту, но жуткая боль сразу в двух

местах пронзила его тело. Он упал на холодный пол. Рядом упало тело девочки.

Когда Томаш вновь открыл глаза, стражи уже не было. Последний факел почти догорел, и в его слабом мерцающем свете мальчик увидел широко раскрытые глаза Генриетты прямо напротив своих глаз. Огонёк навсегда угас в них, они стали тусклыми, а лицо навеки побелело, и черты его заострились. Томаш смотрел на свою мёртвую возлюбленную, надеясь, что она просто спит, как и он спал только что. Но она так и не проснулась. Мальчик нежно поцеловал её остывшие губы в самый тот момент, когда последний факел погас. Ему показалось, будто тень прежней улыбки скользнула по её лицу, но больше ничего нельзя было увидеть в воцарившейся тьме.

Превозмогая нечеловеческую боль, Томаш встал и медленно побрёл к стене. Но брёл он очень долго, пока не сообразил, что идёт не по комнате, в которой остались его друзья и брат, а по узкому коридору, стены которого обильно покрывала склизкая плесень. Однако что-то мешало ему идти. Ощупав себя, Томаш понял, что в его теле застряли две стрелы. С превеликой осторожностью он сломал одну из стрел, засевшую в боку, оставив наконечник внутри себя, дабы не истечь кровью. До второй стрелы он дотянуться не мог, она прошла насквозь, чуть не задев сердце.

Он всё брёл и брёл, спотыкаясь о камни, ощущая, как крысы бегают у него под ногами. Усталость смыкала глаза и му-

тила сознание. Мысли путались, и если бы не жгучая боль в боку и плече, Томаш бы наверняка лишился чувств. Наконец он выбрался из подземного хода на белый свет. Занималась заря. Окрестности сплошь покрывал густой туман. Мальчик сделал пару шагов, но, оступившись, покатился на дно глубокого оврага. Он упал на кусты терновника и ядовитые растения, вызывавшие страшные ожоги. Стараясь не потерять сознание, он встал и начал продвигаться подальше от замка. Через пару минут всё его кожа покрылась язвами и волдырями, от которых всё тело горело, как в дьявольском пламени. Жажда и голод вновь обострились и мучили не меньше язв. Но вдруг что-то хрустнуло у него под ногой – это была человеческая кость. Томаш оказался в том месте, куда выбрасывали тела жертв баронов и их людей. Тут до его носа добрался страшный запах гниющей плоти, отравивший всю округу. Мальчик осторожно шёл вперёд по разлагающимся телам и неожиданно наткнулся на обезображенный труп Риты. Её нагое тело валялось среди обрубков и костей, почерневшее и изуродованное. Томашу от этого зрелища сделалось совсем дурно. Та, что ещё вчера была счастливой невестой, теперь была мертва, как и все, кто был ему дорог. Он поспешил покинуть ужасный овраг.

Солнце уже клонилось к закату, когда мальчик выбрался на проезжий тракт. За всё время пути ему не встретился ни один живой человек. Томаш дрожал в лихорадке, лицо и руки его затянулись волдырями и язвами, но боль ку-

да-то ушла. Встав посередине дороги, он попытался вспомнить молитву, но ни одно латинское слово, произносившееся священниками, не пришло ему на ум. Тогда, упав на колени, Томаш взмолился, как умел, о том, чтобы господь даровал спасение ему и пленникам баронов де Виги. И свершилось чудо: вдаль замелькали сине-зелёные одежды слуг графа Троквема. Это из очередного похода возвращался его сын, Троквем Младший. Томаш закричал изо всех сил и замахал руками. Подъехавший рыцарь грубо обругал его, но тут несчастный мальчик стал рассказывать, что бароны де Веги увели его и всех односельчан в неволю, что они убили и изувечили многих верных слуг графа, что только он смог убежать, и что земли Графа теперь захвачены. Всё это слушал и Троквем Младший, и вся его свита.

– Да как он посмел вторгаться на мои земли и земли моего отца! – вскричал разгневанный граф. – Клянусь честью, что я отомщу ему за всё. И уже его земля станет моей! За мной, господа, мы покажем этим псам, баронам, их место! –скомандовал он, сам же первым помчавшись галопом вперёд.

Свита последовала за сеньором, поднимая клубы пыли, но, всё же, стараясь объезжать мальчика стороной, дабы не причинить ему вреда.

– Пить... – просил ослабшим голосом Томаш у проезжавших мимо всадников.

Один добрый господин из свиты графа бросил ему почти пустую флягу с вином. Когда кавалькада исчезла в столбе

дорожной пыли за поворотом дороги, Томаш лёг рядом с флягой. Последние силы покинули его. Он не сумел открыть тугую пробку, да и все желания отступили, кроме желания спать. Он закрыл глаза, и больше они никогда не открылись.

Как прежде солнце встало над долиной, отразившись в каждой капле серебряной росы. Прозрачные воды реки как прежде бегут по гладким камням, поросшим редкими водорослями. В деревне, что близ леса, снова праздник – там играют свадьбу. А на заливном лужке мирно пасутся козы, и по этому чистому лугу бежит вприпрыжку весёлый мальчуган Томаш.